

Корелли Мари

**История детской души.
Повесть не для детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мари К.**
История детской души. Повесть не для детей / Корелли Мари – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 249 с.

ISBN 978-5-519-90315-8

Из предисловия "Предлагаемая книжка есть перевод с рассказа известной
англписательницы Марии Корелли, под загл. The mighty AtomМогуществен-
ный атом"

ISBN 978-5-519-90315-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I.

Весь день по всему сѣверному побережью Девона бушевала буря. Только теперь, къ вечеру, не много прояснилось хмурое небо. Волны съ сердитымъ ревомъ разбивались объ скалы, но вѣтеръ замѣтно стихалъ — и узкая, свѣтлая полоса на западѣ уже обозначала, гдѣ именно, еще скрытое за тучами, солнце появится передъ тѣмъ, чтобы окончательно скрыться за горизонтомъ. Все въ природѣ, мало-по-малу, входило въ тишину. Цвѣты, запуганные дождемъ, теперь силились приподнять свои нѣжные стебельки, прижатые къ самой землѣ, — и маленькая малиновка, весело выпорхнувъ изъ куста, въ которомъ нашла себѣ убѣжище во время бури, прилетѣла на окно сосѣдняго дома и, прежде даже чѣмъ распустить свои мокрыя перышки, весело запѣла, точно своею радостью хотѣла съ кѣмъ-то подѣлиться. Окно было

раскрыто, и въ комнатѣ, кромѣ маленькаго мальчика, никого не было. Мальчикъ сидѣлъ у стола, передъ нимъ была развернута книга, и лежалъ большой листъ бумаги, на которомъ онъ отмѣчалъ что-то карандашемъ. Онъ, видимо, очень былъ занятъ своею работою, но онъ быстро оглянулся, когда запѣла птичка... и глаза его, глубокіе, задумчивые, точно затуманились тихою грустью, пока онъ слушалъ ея пѣснь радости... Однако, продолжалось это не долго — онъ поспѣшно вернулся къ прерванному занятію и снова принялся за чтеніе развернутой книги. Было что-то неизъяснимо трогательное, что-то загадочное въ выраженіи этого блѣднаго дѣтскаго личика... Ближе и ближе къ книгѣ склонялась кудрявая головка, по мѣрѣ того какъ тусклѣе становился дневной свѣтъ. — Мальчикъ все продолжалъ читать и дѣлать свои замѣтки — а птичка, которая прилетѣла за тѣмъ, чтобы, на сколько умѣла, объяснить ему, что буря прошла, что на завтра утро встанетъ свѣтлое, пресвѣтлое — именно такое утро, какое любо всѣмъ мальчикамъ, была опечалена, что безъ радости принята была эта вѣсть. Замолкла малиновка, начала чистить свои перышки, а сама все на мальчика вопросительно поглядывала, какъ бы хотѣла сказать: „Что же это за диво? Дождь прошелъ, воздухъ чудный, цвѣты благоухаютъ, небо залито свѣтомъ, вся природа радуется и ликуетъ —

а тутъ живое, Божіе созданіе сидитъ надъ какой-то книгой, (которую, конечно, не Господь сотворилъ!) тоскуетъ и томится, и точно не понимаетъ даже, что такое радость!“

Между тѣмъ на западѣ золотистая, огненная полоса все росла, становилась все шире и шире, а вдоль всего неба, точно лучи небснаго свѣта, проскользнувшіе черезъ полу-отверстую райскую дверь, спускались прямо въ море лучисто-радужныя полосы — и вдругъ, изъ-за темной тучи, во всемъ блескѣ славы своей появилось само солнце! Мгновенно все преобразилось! Деревушка Коммортинь, съ ея древней церковью, съ ея покрытыми соломой маленькими домиками, облитая этимъ потокомъ золотистыхъ лучей, приняла волшебный видъ, волны весело засверкали тысячью огнями, и въ потемнѣвшую комнату, въ которой сидѣлъ одинокій мальчикъ, лучъ радостный также проникъ и, какъ бы благословеніе свѣтлаго, мимолетнаго ангела, коснулся маленькой наклоненной головки.

Въ эту минуту дверь отворилась и вопель молодой человѣкъ со шляпою въ рукахъ.

— „Какъ, все еще за уроками!“ сказалъ онъ съ участіемъ. „Довольно, брось все это! Буря всѣмъ стихла, пойдемъ, покатаемся на лодкѣ!“

Ліонель посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и даже съ испугомъ.

— „Онъ развѣ позволилъ, м-ръ Монтрозъ?“

— „Я у него не спрашивалъ,“ нѣсколько рѣзко отвѣтилъ Монтрозъ. „Я говорю, что можно — и не только можно, но и должно! Я еще пока твой воспитатель, и знай, ты меня слушаться долженъ, а не его!...“ и онъ, шутя, погрозилъ ему рукою.

Мальчикъ улыбнулся и всталъ со своего мѣста.

— „Все это что-то очень медленно запоминается,“ сказалъ онъ, указывая на книгу и какъ бы извиняясь передъ учителемъ. „Конечно, я самъ виноватъ, но не могу не находить, что это все очень скучно, а главное — такъ не нужно. Напримѣръ, зачѣмъ мнѣ знать, сколько въ Англіи платили налога нѣкоторымъ епископамъ въ 1054 году? Право, мнѣ все равно, и думается, что всегда будетъ все равно! Какое можетъ это имѣть отношеніе къ жизни?“

— „Никакого,“ отвѣтилъ, смѣясь, Монтрозъ, „но человѣкъ образованный долженъ имѣть понятіе обо всемъ. Однако, не думай больше объ налогахъ, забудь всѣхъ епископовъ и, если хочешь, даже всѣхъ королей! Посмотри, какой видъ у тебя измученный.... Какъ ты думаешь, не пойти ли намъ напиться чего-нибудь на ферму къ м-съ Пейнъ?“

— „Вотъ такъ хорошо!“ съ оживленіемъ воскликнулъ мальчикъ. „Но прежде покатаемся на лодкѣ,“ прибавилъ онъ, „солнце скоро сядетъ, а

я такъ люблю смотрѣть на солнечный закатъ съ моря.“

Монтрозъ ничего не отвѣтилъ и задумался грустною думою, слѣдя за мальчикомъ, который не спѣша, аккуратно и методично складывалъ и прибиралъ разбросанные тетради и книги. Наконецъ все было приведено въ надлежащій порядокъ, и Ліонель, взявъ свою шапочку, которая висѣла на гвоздѣ, довѣрчиво подошелъ къ молодому учителю и, улыбаясь, сказалъ:

— „Ну, готово!“

— „Ну, готово!“ передразнилъ его Монтрозъ и, надѣвъ свою соломенную шляпу, весело сбѣжалъ съ лѣстницы.

Ліонель какъ-то робко слѣдовалъ за нимъ. Когда они повернули на тѣнистую дорожку, которая прямо изъ сада вела на большую дорогу, ихъ изъ дома окликнула молодая женщина, стоявшая на балконѣ и выглядывавшая изъ-за вьющихся алыхъ фукцій.

— „М-ръ Монтрозъ, что это, открытый протестъ? Это хорошо! Всегда надо дѣлать то, что намъ говорятъ не дѣлать! Прощай, Лиля!“

Ліонель посмотрѣлъ вверхъ, улыбнулся и поднялъ свою шапочку.

— „Прощай, мама!“

При звукѣ нѣжнаго дѣтскаго голоса что-то нѣжное промелькнуло на красивомъ лицѣ, выглядывавшемъ изъ-за цвѣтовъ, и оно быстро скрылось.

Лучи заходящаго солнца освѣщали, какъ заревомъ, рощи и горы Коммортина, когда на морѣ, засверкавшемъ какъ-бы мириадами алмазовъ, показалась маленькая лодочка, которая легко неслась по пѣнистымъ волнамъ. У весель сидѣлъ Монтрозъ и гребъ съ радостной отвагой! На кормѣ пріютился Ліонель. Его задумчивые глаза съ какой-то восторженной радостью слѣдили за каждой волной, которая сердито надвигалась на маленькій челнъ и объ него же разбивалась, разсыпаясь разноцвѣтными брызгами.

— „М-ръ Монтрозъ,“ воскликнулъ онъ, „а, вѣдь, хорошо, чудно хорошо!“

— „Да, да,“ отвѣтилъ Монтрозъ, сильнѣе налегая на весла—„и вся жизнь наша чудно хороша, только бы умѣть пользоваться ею!“

Ліонель не слышалъ этого замѣчанія: все его вниманіе теперь было сосредоточено на длинной нити водяной травы, которую онъ всячески старался уловить рукою. Многимъ этотъ склизкій стебель показался бы весьма не привлекательнымъ, но Ліонель понялъ всю красоту -его: сотни крошечныхъ раковинокъ переплетались вокругъ него, и каждая изъ нихъ—хрупкая, нѣжная, красивая какъ жемчужина—со-

держала въ себѣ жизнь — жизнь хрупкую, какъ и она сама...

Было надъ чѣмъ призадуматься, гляди на таинственное совершенство этихъ живыхъ организмовъ!.. И, по мѣрѣ того какъ мальчикъ всматривался въ красоту этой ткани, сотканной волною, на его дѣтскую душу, какъ бы надвигалась тѣнь незримаго, непроницаемаго... и тотъ вопросъ, мучительный и страшный, который столько ученыхъ унесли не разрѣшеннымъ съ собою въ могилу — мучительно теперь сказывался и ему... Причина, цѣль, смыслъ всего созданнаго — хоть бы, напримѣръ, цѣль этого отдѣльнаго, никому не нужнаго, чуднаго міра раковинъ, какъ распознать ее... кто ее разъяснить?.. И малый ребенокъ задумался, и безсознательно душа его наполнилась той безнадежной печалью, которая выражена въ Екклезіастѣ восклицаніемъ „*Vanitas vanitatum!*“

Между тѣмъ въ небесахъ одна краса смѣнялась другой... на краю моря земля и солнце какъ-бы слились въ одно — внезапно яркое освѣщеніе потухло — и тихій сумракъ вступилъ въ свои права, окутывая таинственной дымкой берега и далекія горы.... Монтроузъ сложилъ весла, съ наслажденіемъ любуясь этою красотой: она точно напоминала ему родную красоту еще болѣе живописной Шотландіи. Затѣмъ взоръ его остановился на маленькомъ его

спутникѣ, который все еще былъ погруженъ въ созерцаніе вновь найденнаго своего сокровища....

— „Что это у тебя, Ліонель?“ спросилъ онъ.

Мальчикъ быстро къ нему обернулся.

— „Цѣлыя тысячи маленькихъ существъ, живущихъ въ хорошенькихъ, собственныхъ домикахъ!“ отвѣтилъ онъ, улыбаясь, — „смотрите!“ и онъ приподнял свою находку. „Вѣдь, это цѣлый городъ, не такъ-ли?—и, чего добраго, его маленькіе обитатели столько же о себѣ воображаютъ, сколько и мы.“ Но улыбка вдругъ исчезла съ задумчиваго его личика. „Что *вы* объ этомъ думаете, м-ръ Монтрозъ? а мнѣ такъ думается, что мы не больше имѣемъ значенія во вселенной, чѣмъ эти маленькія созданія.“

Монтрозъ на это ничего не отвѣтилъ. Онъ поспѣшно вынулъ часы изъ кармана и воскликнулъ:

— „Какъ уже поздно! Ну, голубчикъ, верни своихъ маленькихъ друзей родной ихъ стихіи, мнѣ замысловатыхъ вопросовъ теперь не дѣлай, а лучше возьми-ка весло!“

Ліонель вспыхнулъ отъ удовольствія—но, прежде нежели взяться за весло, онъ бережно опустилъ морское растеніе въ пѣнящуюся волну, которая въ эту самую минуту какъ-то ласково прижималась къ лодочкѣ. Вѣтка тихо поплыла съ волною—Ліонель

проводилъ ее глазами и съ увлеченіемъ принялся гребти. Онъ гребъ всею силою своихъ слабыхъ ручекъ, а Монтрозъ, соразмѣряя свои силы съ силами ребенка, едва дотрогивался до весла. Но былъ уже часъ прилива и попутныя волны быстро влекли за собою маленькую лодку. Ліонель весь раскраснѣлся, глаза его весело блестѣли, такъ что когда онъ выпрыгнулъ на берегъ, онъ имѣлъ весело-безпечный, жизне-радостный видъ, свойственный всѣмъ мальчикамъ — даже морщинки на его лобикѣ почти что совсѣмъ сгладились....

— „Ну, ужъ и достанется же намъ, какъ вернемся домой!“ — съ веселымъ смѣхомъ воскликнулъ Ліонель, указывая на потемнѣвшее небо и на свое забрызганное платье.

— „Достанется мнѣ, а не тебѣ,“ сказалъ невозмутимымъ голосомъ Монтрозъ. „Но,—такъ какъ это мой послѣдній вечеръ,—мнѣ все равно.“

Мгновенно поблекла вся радость бѣднаго Ліонеля — онъ нервно и невнятно проговорилъ:

— „Вашъ послѣдній вечеръ?—о, нѣтъ! этого быть не можетъ! Вы не то сказать хотѣли!“

— „Успокойся, мой голубчикъ,“ нѣжно глядя на него, началъ Монтрозъ. „Пойдемъ, напьемся чаю, я постараюсь все тебѣ разъяснить. Видишь-ли, милый, жизнь наша то же, что плыть по этому самому морю — не всегда оно спокойно, а намъ надо

умѣть справляться съ нимъ и въ непогоду.... Мало-ли что въ жизни бываетъ, всякая печаль приходитъ, приходится и разставаться съ тѣмъ, что намъ дорого—а все же унывать не должно! Ліонель, милый, не огорчай меня, не тоскуй такъ!“

Ліонель продолжалъ стоять молча—его личико снова стало блѣдное, и маленькій ротикъ снова принялъ привычное суровое выраженіе.

— „Я знаю!“ медленно произнесъ онъ. „Я знаю слово въ слово, что вы собираетесь объяснить мнѣ, м-ръ Монтрозъ! Мой отецъ отказалъ вамъ. Это меня не удивляетъ—я ожидалъ, что это случится скоро. Вы слишкомъ добры ко мнѣ, слишкомъ снисходительны—вотъ оно что.... Нѣтъ, я плакать не буду, право не буду,“ говорилъ онъ, украдкой утирая слезы, „вы не должны этого подумать,—я за васъ радъ, что вы отсюда уѣзжаете, но себя мнѣ жалко, очень, очень жалко! Я теперь какъ-то всегда себя жалѣю,—вѣдь, это очень малодушно! Маркъ Аврелій говоритъ, что самый презрѣнный видъ малодушія—это жалость къ самому себѣ.“

— „Ахъ, брось ты этого Марка Аврелія!“ съ негодованіемъ воскликнулъ Монтрозъ.

Ліонель улынулся какой-то не дѣтскою, безотградской улыбкой.

— „Ну, пойдемъ-те, теперь я готовъ,“ сказалъ онъ.